

Д. ЛОКВУД

Я - АБОРИГЕН

ВУТЕШЕСТ'
ВИА
ПО
СТРАНАМ
ВОСТОКА

Д. ЛОКВУД

Я - АБОРИГЕН

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1971

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Этнография как наука имеет большую историю. В основе ее всегда находилась практическая потребность в познании других народов, к которой постепенно с развитием культуры присоединилась необходимость познания своего собственного народа, своей национальной культуры, своего прошлого, а вместе с тем и прошлого всего человечества. Путешествия, открытия, сделанные в отдаленных частях света, прежде всего в Америке и Океании,— все это, однако, давало пищу не только для научных обобщений, но и для мифотворчества. Одним из таких мифов, завладевших в XVIII веке умами просвещенной Европы, стал миф о добродетельном дикаре. Первобытный человек, наивный варвар, сделался для Ж. Ж. Руссо и многих других писателей этой эпохи эталоном в области морали и права, а первобытное общество — образцом идеального человеческого общежития, естественного состояния человечества. Именно здесь, у первобытных народов, усматривал Руссо господство разума и жизнь в полной гармонии с природой. Но, может быть, лучше других это выразил в своих «Опытах» Мишель де Монтень: «Дикарями все еще управляют законы природы, почти не извращенные нами. Они пребывают все еще в такой чистоте, что мне порою бывает досадно, почему сведения о них не достигали нас раньше... Мне досадно, что ничего не знали о них ни Ликург, ни Платон; ибо то, что мы видим у этих народов своими глазами, превосходит, по моему, не только все картины, которыми поэзия изукрашила золотой век, все ее выдумки и фантазии о счастливом состоянии человечества, но даже и самые представления и пожелания философии»¹.

Загадка происхождения человеческого общества и культуры издавна волновала пытливые умы. Многие выдающиеся деятели древности и нового времени стремились понять, как сложилась и развивалась современная цивилизация. Возникла мысль о том, что ее внешнему состоянию предшествовали такие ступени развития, на которых еще и сегодня находятся так называемые дикие народы. Одним из первых эту мысль выразил в IV—V вв. до н. э. греческий историк Фукидид: «Варвары живут ныне так, как когда-то жили греки». Принцип реконструкции прошлого цивилизованных народов с помощью сведений о народах, стоящих еще за порогом цивилизации, был положен уже в XVIII в. Ж. Ф. Лафито в основу его книги «Обычаи американских дикарей в сравнении с обычаями древних времен», но с особенной глубиной и блеском обнаружил себя в XIX в. в знаменитом труде Л. Г. Морган «Древнее общество». Идеализация первобытного человека,

---

¹ М. Монтень, Опыты, кн. I, гл. XXXI.

Свойственная XVIII в., в следующем столетии сменялась все более углубленным и трезвым изучением культурно отсталых народов, прежде всего чтобы понять, как в действительности возникло и развивалось человечество, как оно стало таким, каким мы видим его сегодня. Это и послужило началом этнографии как науки в современном ее понимании.

Одним из тех народов, которые давали и продолжают давать исторической науке бесценные сведения о далеком прошлом человечества, были и остаются аборигены Австралии, сохранившие благодаря относительной изоляции на протяжении тысячелетий немало таких особенностей культуры и общественного строя, которые были характерны когда-то, в эпоху каменного века, и для других народов. Вот почему, начиная со второй половины XIX в., когда изучение коренных австралийцев стало особенно интенсивным, и вплоть до сегодняшнего дня на них обращено пристальное внимание науки о первобытном обществе. И хотя им посвящены многие тысячи страниц, никогда еще не было такой книги, как та, что лежит сейчас перед нами. Ведь если до сих пор об австралийцах писали посторонние наблюдатели — этнографы, миссионеры, путешественники, — люди иной культуры (даже У. Бакли², который прожил в австралийском племени свыше трех десятков лет и почти позабыл родной английский язык), то теперь мы впервые получили документальную повесть о жизни австралийского аборигена, рассказанную им самим. Вот в чем особая ценность этой книги. Это как бы взгляд на австралийское общество не извне, как обычно, а изнутри. И хотя повесть написана рукой писателя — англо-австралийца, что несомненно наложило отпечаток на книгу, все же это не снижает ее ценности. Чтобы собрать материал для книги, Дуглас Локвуд, как он сам пишет, провел сотни часов в беседах с человеком, австралийское имя которого — Вайпулданья, а европейское — Филипп Робертс, от лица которого ведется рассказ.

Мир, о котором поведал Вайпулданья, имеет мало общего с идеализированным первобытным раем, нарисованным воображением авторов XVIII в. Помстине, позади нас не было золотого века. Мы погружаемся в атмосферу страха и взаимной отчужденности. Опасности, которые окружают человека со всех сторон, созданы не только и не столько природой, это не только угроза остаться без пищи и воды и умереть от голода и жажды — с такого рода опасностями австралийские аборигены научились справиться, им по страши даже безводные пустыни, в которых нашло свою могилу немало путешественников-европейцев. Нет, это прежде всего опасности, порождаемые самой общественной средой. Извечная разобщенность людей — вот что порождает веру в колдовство. Люди других племен — потенциальные враги. Даже в своем племени человека преследует вечный страх пасть жертвой вредоносной магии. Психические приемы умерщвления действительных и мнимых врагов и, как противовес им, психотерапия — то и другое развито здесь настолько, что даже дает материал для больших специальных исследований. Чаще всего здесь погибают невинные. Ф. Робертс рассказывает о многочисленных случаях,

² У. Б а к л и, Австралийский Робинзон, М., 1966.

когда за чью-то действительную, а чаще мнимую вину расплачиваются родичи или совершенно посторонние люди. Здесь все боится друг друга. Повсюду мерещатся колдовство и чья-то злая воля.

Но следует, однако, и слишком мрачно оценивать обычаи аборигенов. Взаимоотношения между людьми и законы здесь во многом более справедливы и человечны, чем в обществе белых. «Наш образ жизни предполагал систему коллективной поддержки, — рассказывает Робертс, — каждый получал по потребностям, по зату и должен был вносить вклад в общее достояние по своим охотничьим способностям» (стр. 42). Таков основной закон этого общества, которое можно было бы назвать первобытнокоммунистическим. Робертс рассказывает об узаконенном обычае справедливом распределении охотничьей добычи и о других проявлениях первобытного коллективизма. Но вот мы читаем: «...у каждого есть свой собственный участок племенной земли, который он называет „моя страна“» (стр. 28). Что это? Не частная ли это собственность на землю? Не противоречит ли это всему, что мы знаем об австралийских аборигенах? Действительно, притязания аборигенов на отдельные участки племенной земли нередко вводили в заблуждение этнографов, заставляя их утверждать, что индивидуальная собственность на землю возникает уже в первобытном обществе. Но это совсем не так. Здесь перед нами не собственность в экономическом смысле этого слова, а потому и о «собственности» говорить не следует. На участке племенной земли, который абориген называет «своей страной», находятся его тотемические святилища, то есть места культа того тотемического рода, к которому он принадлежит. Пищу аборигены добывают на всей территории племени без ограничения.

Необычен путь Филиппа Робертса — Вайпулданы от юного охотника австралийского племени и рабочего-скотовода на ферме до европееки образованного человека и общественного деятеля, известного не только у себя на родине, но и далеко за ее пределами. Это поистине «путь свиданий», но не тот, что был установлен далекими предками и определил собою всю жизнь аборигена от рождения до смерти (Вайпулданы часто вспоминает о нем), а тот, что ведет вперед каждого австралийца, мечтающего, как и Ф. Робертс, о лучшей участи для своего народа — и не только мечтающего, а делающего для этого практически все, что в его силах.

Население Австралии (в настоящее время — свыше 11 млн. человек) состоит из лиц различного расового и национального происхождения. Австралийские аборигены составляют наиболее древнюю его часть. Они пришли в Австралию из Южной и Юго-Восточной Азии за тридцать тысяч лет до того, как появилось здесь все остальное население. Не случайна и оправдана гордость Ф. Робертса за свой народ, донесший из глубин веков освященные древностью обычаи, легенды и верования, понятно, почему он с чувством некоторого превосходства смотрит на тех, кто появился в Австралии по историческим масштабам лишь вчера. По официальным данным, в 1966 г. в Австралии насчитывалось свыше 52 тысяч чистокровных аборигенов и 77 тысяч метисов, а всего 130 тысяч человек. Таким образом, аборигены составляют от 1 до 2% всех жителей страны. Остальная часть населения — лица европейского и азиатского происхождения, потомки иммигрантов, пе-

реселявшихся в Австралию с конца XVIII в., когда началась колонизация этого континента (первое европейское поселение в Австралии было основано в 1788 г.), и вплоть до XX в. Европейское по своему происхождению население Австралии состоит главным образом из потомков английских переселенцев. Австралийский Союз — самый «британский» из доминионов Великобритании. Сравнительная однородность австралийского населения — результат империалистической политики австралийского правительства, официально провозглашенной и принятой в 1901 г. и поставившей своей целью свести к минимуму неевропейское население Австралии путем ограничения иммиграции из стран Азии и Океании.

К началу колонизации, то есть в конце XVIII в., в Австралии, по приблизительным подсчетам, насчитывалось до 300 тысяч аборигенов. К середине нашего столетия эта цифра сократилась в несколько раз. Большая часть коренного населения была истреблена колонизаторами или погибла от болезней, занесенных ими, против которых организм аборигенов не выработал иммунитета. Коренное население Тасмании — острова, являющегося частью Австралийского Союза, — было уничтожено полностью еще в конце XIX в.

Образ жизни коренного населения Австралии неодинаков. Одни аборигены продолжают вести жизнь бродячих охотников и собирателей, вроде той, что вели еще родители и деды Вайпулданья. Такова, например, четвертая часть аборигенов Западной Австралии (две из восьми тысяч человек). Другие — живут вблизи миссий, в правительственных поселках, на окраинах городов, на фермах. Так, например, из 17 500 аборигенов Северной территории около шести тысяч живут вблизи миссий, свыше пяти тысяч — в правительственных поселках, примерно шесть тысяч — на фермах и в городах и лишь двести человек все еще ведут прежний кочевой образ жизни. Аборигены, живущие на фермах и в городах, представляют собой постоянный источник дешевой неквалифицированной рабочей силы для австралийского капитала. Поэтому-то австралийские монополии стремятся сорвать любые меры, направленные к улучшению условий жизни, труда и образования аборигенов, проводимые под давлением демократических сил страны.

Официальная политика дискриминации аборигенов недавнего времени проявлялась уже в том, что они не считались гражданами своей страны. При переписях населения их учитывали особо. Лица, получившие гражданские права, не рассматривались статистикой как аборигены. Акт о национальности и гражданстве 1948 — 1960 гг. формально провозгласил аборигенов гражданами Австралии. Однако они по-прежнему лишены многих прав и привилегий, которые имеют остальные австралийцы. До 1962 г. аборигены Западной Австралии и Северной территории не имели права избирать и быть избранными в парламент. Аборигены Квинсленда лишь в 1965 г. получили избирательные права.

Приобретение аборигенами гражданских прав и свобод — права участвовать в выборах, свободно передвигаться по стране, распоряжаться своей собственностью и т. д. — одна из самых животрепещущих проблем современной Австралии. Она не сходит со страниц австралийской печати и волнует не только аборигенов, но и тысячи австралийских граждан европейского происхождения. Уступая давлению демократических сил, федеральное правитель-

ство в 1957 г. ввело на Северной территории, там, где разворачивается действие нашей книги, так называемый закон о благосостоянии аборигенов. Согласно этому документу, за коренными жителями признавалось чисто номинальное право называться австралийскими гражданами; в остальном их права по-прежнему были ущемлены. В 1964 г. этот закон был отменен. Однако, несмотря на то что было введено в действие более прогрессивное законодательство, неравноправное положение аборигенов во многом остается в силе. Хотя аборигены юридически считаются такими же гражданами, как и остальные австралийцы, во всем, что касается условий труда и заработной платы, дискриминация продолжает сохраняться. Большинство чистокровных аборигенов Северной Австралии не получают (или не получали до недавнего времени) равной оплаты за равный с белыми рабочими труд. За последние годы было построено много новых школ, и теперь 80% детей чистокровных аборигенов Северной Австралии посещают школу. Однако для большинства местных жителей образование как средство социальной мобильности практически бесполезно. В 1965 г. правительство Квинсленда отменило прежние варварские правила, ставящие аборигенов в положение заключенных в резервациях, и ввело более, несколько более гуманное законодательство. В 1966 г. лейбористское правительство Южной Австралии приняло со своей стороны два новых закона. Первый — «Акт о запрещении дискриминации» — ставит своей целью положить конец всем формам расовой дискриминации в Южной Австралии. Вторым — «Положение о землях аборигенов» — явился первой в Австралии попыткой обеспечить земельную собственность аборигенов и компенсировать те общины, которые были согнаны со своей земли. Но только в Виктории и Новом Южном Уэльсе — двух штатах, где процентное отношение аборигенов к остальному населению совершенно ничтожно, — они пользуются и пользуются формально всеми юридическими правами австралийских граждан (за исключением права употреблять алкогольные напитки в Новом Южном Уэльсе). Экопомическое их положение не лучше, чем в других штатах.

Большая часть чистокровных аборигенов живет в резервациях, главным образом в Западной Австралии. Самая большая резервация расположена в наиболее пустынной и бесплодной части континента на землях трех штатов — Западной Австралии, Южной Австралии и Северной территории. Большие резервации имеются также и в других местах. Все это области пустынь, саванн или тропических лесов, где вследствие неблагоприятных природных условий европейцев почти нет. Под резервациями согласно австралийским законам понимаются населенные аборигенами местности, иногда целые области, куда имеют доступ только ответственные служащие и лица, получившие специальное разрешение. Резервации можно разделить на две основные группы. Первая включает территории, где аборигены живут традиционными родовыми общинами, занимаясь охотой, рыболовством и собирательством, кочуя с места на место. В другую группу входят местности, где так называемые «детрбализированные» (т. е. утратившие родоплеменные связи и собранные из разных общин и племен) аборигены живут оседло, занимаясь на работу или получая подаяния от благотворительных организаций. Условия жизни в таких резервациях очень тяжелы. Здесь, как правило, не хватает элементарных

бытовых удобств, люди живут в убогих лачугах, имеют лишь случайную низкооплачиваемую работу. Многие резервации обнесены колючей проволокой и находятся под охраной полиции.

Все еще продолжается начатый в XVIII в. захват земель, принадлежащих аборигенам. Так, в 1961 г. 250 аборигенов Мапунской миссии (полуостров Кейп-Йорк) были без всякой компенсации согнаны со своей земли, проданной правительством компании по добыче бокситов. В 1963 г. одна из крупнейших в мире компаний по производству алюминия — французская горнопромышленная компания «Пешенн» — договорилась с австралийским правительством о приобретении большой территории на побережье залива Мелвилла (полуостров Арнемленд), где находится одна из резерваций. Федеральным советом развития аборигенов — общественная организация, ставящая своей целью помочь коренному населению, — выступил против этого проекта на том основании, что предлагаемая к продаже территория принадлежит аборигенам, а не правительству. Между тем с аборигенами даже не консультировались, хотя продажа земли непосредственно затрагивает их жизненные интересы. Со своей стороны аборигены направили в федеральный парламент петицию, написанную на куске эвкалиптовой коры, где они протестовали против незаконного изъятия у племени его исконных земель. Необычное письмо было доставлено на заседание австралийского парламента. Протест поддержала печать. Парламент создал специальную комиссию, и дело в конце концов было передано в суд.

В Австралии все еще существует «цветной барьер». Многие рестораны, церкви закрыты для аборигенов. В больницах для них отведены специальные палаты, в кинотеатрах — худшие места, на улицах некоторых городов им запрещено появляться после установленного часа.

После второй мировой войны правительство Австралии, уступая требованиям прогрессивной общественности, ассигновало известные суммы на жилищное и школьное строительство и осуществило ряд других мер в интересах аборигенов. В 1961 г. в столице Австралии — Канберре — был основан Институт по изучению аборигенов, осуществляющий большую всестороннюю координационную научно-исследовательскую работу в масштабах всей страны. В том же году в Канберре состоялась конференция, посвященная положению аборигенов, с участием министров федерального правительства и штатов. С тех пор такие конференции устраиваются каждые два года. Участники первой конференции обсудили политику ассимиляции аборигенов, официально провозглашенную правительством. Ее целью является, как говорилось в выступлении министра территорий федерального правительства Хэзлака, «постепенное приобщение аборигенов к жизни всего австралийского общества и приобретение ими прав и привилегий австралийских граждан». Наряду с этим было признано необходимым «охранять аборигенов от вредного воздействия внезапных перемен» и заявлено о необходимости опеки над аборигенами. В своем выступлении в парламенте Хэзлак настаивал на том, что перемены в общественном и политическом положении аборигенов должны проводиться постепенно, на протяжении жизни трех поколений. Большинство членов парламента поддержало политику ассимиляции. В идеале политика ассимиляции означает предостав-

Ленин белым и черным равных возможностей; она ставит своей конечной целью предоставление аборигенам полных гражданских прав и отмену всевозможных законодательных ограничений. В этом ее положительное значение. Но все это лишь в идеале, в отдаленном будущем; она не устраняет экономических противоречий; более того, аборигены понимают, что она угрожает уничтожить все лучшее, что еще сохранилось в их культуре.

В то же время сама правительственная печать вынуждена признать, что аборигены хотят жить вместе, вести жизнь, которая не является ни их традиционной жизнью, ни жизнью белых. Но некоторые черты своего наследия — язык, идеи племенной организации и обязательной взаимопомощи — они хотят сохранить. Австралийские этнографы и социологи отмечают, что в обществах «ассимилируемых» аборигенов возникает новая культура — ни традиционная, ни европейская, которую правительство хотело бы им навязать. Аборигены отвергают капитализм с его экономическим и социальным неравенством, с его моралью, они не хотят полной утраты своей национальной самобытности. Но они не хотят и возврата к прошлому, они желали бы сохранить все лучшее, что имелось в их тысячелетней культуре, ведя в то же время жизнь современных фермеров или скотоводов, создавая собственные кооперативы.

В 1965 г. на очередной конференции, посвященной положению аборигенов, цели политики ассимиляции были сформулированы уже несколько иначе, и эта новая формулировка отражает, видимо, отношение самих аборигенов к этой политике. Акцент теперь делается на добровольности избрания аборигенами нового образа жизни. Отсутствует требование соблюдения тех же самых обычаев и верований, как и у белых австралийцев. Однако, несмотря на все более широкое вовлечение самих аборигенов в лице их наиболее активных представителей в общественно-политическую жизнь страны — к числу таких людей принадлежит и герой нашей книги Ф. Робертс, — в целом участие аборигенов в управлении собственными делами остается еще крайне незначительным. Вот почему они все еще называют политику правительства «принудительной ассимиляцией».

Одно из течений современной прогрессивной австралийской общественной мысли, поддерживаемое многими аборигенами, противопоставляет как политике ассимиляции, так и попыткам искусственного сохранения старого родо-племенного уклада третье решение проблемы — интеграцию. Под интеграцией понимается добровольное включение общины аборигенов в австралийское общество в качестве равноправной его части, без разрушения «всего лучшего, что есть в племенном обществе, его культуре, искусстве и языке» — как сказано в одном из документов интегралистов. Представителем этого течения является, например, известный австрийский этнограф Томас Стрелов. Белые, по мнению Стрелова, должны понять, что черный человек — человеческое существо со своим собственным мировоззрением, своей историей, своим традициями. Ни один австралийский суд, например, не признает норм племенного права, и большинство аборигенов, находясь в европейском суде, не понимают того, что здесь происходит. Поэтому белые должны, в частности, признать нормы обычного права абори-

генов. В программе интеграллистов, как видим, немало утопического.

Расовая дискриминация ведет к росту национальной солидарности и развитию национального самосознания, которое выражается в форме протеста против ущемления достоинства человека и всего народа. Впервые в истории Австралии ее коренные жители активно вступают в организованную борьбу за свои права. И теперь эта борьба поддерживается всеми прогрессивными общественными силами страны, прежде всего рабочим классом и рядом левых профсоюзов. В 1967 г. борьба за социальное и экономическое равенство вылилась в первую в истории Австралии забастовку аборигенов, работающих по найму на скотоводческих станциях Северной территории. Советский читатель уже знаком с этой забастовкой по документальной книге австралийского писателя Фрэнка Харди «Пасынки Австралии»³. Напомню, что причиной забастовки было решение арбитражного суда, вынесенное в 1965 г., которое уравнивало заработную плату пастухов-аборигенов и белых рабочих (в прошлом аборигенам платили значительно меньше, чем белым, за равную работу, а то и вовсе не платили), но с отсрочкой на три года. Причем повышение заработной платы касалось не всех рабочих, а только самых квалифицированных (с точки зрения капиталистов). Такое решение открывало широкий простор произволу, и оно не могло удовлетворить рабочих-аборигенов. Забастовку возглавили наиболее сознательные и активные аборигены Северной территории, в том числе Декстер Дэлвелл, работник профсоюза рабочих Северной Австралии, Каптен Майор (Луэгна Джпарри) и герой нашей книги — Филипп Робертс. Об этой странице его жизни книга Д. Локвула ничего не говорит — ведь она доведена лишь до 1960 г., когда Вайпуддапья (в отличие от тысяч его соплеменников) был признан полноправным гражданином Австралии. Мы расстаемся с ним в тот период его жизни, когда он самоотверженно отдается медицинской помощи своему народу. Теперь мы знаем, что он включился в борьбу уже не только за физическое здоровье своих соплеменников, но и за их социальное и экономическое равноправие. Таков один из представителей нового поколения аборигенов Австралии, поколения, которого еще не знала эта страна; его обращение к социальной борьбе явилось логическим следствием всего его жизненного пути.

В последние годы в Австралии возникла целая сеть общественных организаций, ставящих своей целью экономическую, политическую и юридическую помощь аборигенам. Наиболее крупная из них — Федеральный совет развития аборигенов. Он координирует деятельность многочисленных организаций во всех штатах Австралии (таковы, например, лиги развития аборигенов Виктории и Квинсленда и др.). Организации эти стремятся, как сказано в их программе, к достижению следующих целей: полному равноправию аборигенов, созданию удовлетворительных условий жизни и равной оплате за равный с белыми труд, доступному и обязательному образованию для аборигенов, гарантированному сохранению всех видов их общественной и личной собственности, включая собственность на землю.

³ «Иностранная литература», 1968, NN 10—11.

Организации, входящие в Федеральный совет развития аборигенов, собирают денежные средства на жилищное строительство и другие цели. Они борются за то, чтобы земли, населенные аборигенами, перешли в их неограниченную собственность. Лига развития аборигенов Виктории издает свой журнал, способствующий привлечению широкого общественного интереса к нуждам аборигенов. Национальная конференция по развитию аборигенов, которая состоялась в 1961 г. в Брисбене, отвергла как расовую сегрегацию, так и официальную политику ассимиляции и выступила за право аборигенов на самоопределение и сохранение их национального языка и культуры на их собственной земле под их собственным контролем.

Рабочие Австралии в своей массе глубоко сочувствуют борьбе аборигенов за равноправие и оказывают им эффективную помощь.

В Федеральном совете развития аборигенов и других аналогичных организациях аборигены находятся в меньшинстве. Но в последнее время начинают возникать и такие организации, которые состоят почти из одних только аборигенов. Одной из первых организаций в Австралии стал образованный в 1962 г. в Дарвине Совет борьбы за права аборигенов Северной территории. Его организаторами были чистокровные аборигены, в том числе брат Филиппа Робертса — Джекоб. Д. Локвуд рассказывает о нем в своей книге. Подобно Филиппу, Джекоб тоже работал в госпитале в Дарвине. Джекоб Робертс и стал первым председателем совета. В числе основателей совета был и Филипп. Во время врачебных объездов Северной территории он уже не только следил за состоянием здоровья своих соплеменников, но и пытался предотвратить всякие попытки проявления несправедливости и произвола по отношению к ним. Он ездил в Канберру и беседовал с членами правительства. Он энергично поддержал петицию племени, которому грозила потеря его земель, продаваемых правительством иностранной горнопромышленной компании. Главной целью своей деятельности Совет борьбы за права аборигенов провозгласил борьбу за осуществление Декларации о правах человека, принятой Организацией Объединенных Наций. «Мы попытаемся сплотить вокруг себя всех аборигенов Северной территории, — сказал тогда Джекоб Робертс, — племенные границы и языковые барьеры для нас не помеха». На земле Северной Австралии, управляемой подобно колонии, все благосостояние которой покоилось на труде черных рабов, это был первый сигнал, возвестивший о том, что аборигены не желают более оставаться пассивным объектом дискриминации и опеки, что они хотят бороться за человеческие условия жизни, за экономическое и социальное равноправие, что они сами желают участвовать в решении своих судеб.

В мае 1967 г. произошло другое важное событие — состоялся общаустралийский референдум, в результате которого почти 90% избирателей проголосовали за пересмотр некоторых статей федеральной конституции, ущемляющих гражданские права коренных австралийцев. Первая поправка к конституции означает отмену статьи 127, согласно которой аборигены исключались из числа граждан Австралии во время всеобщих переписей населения; отмена этой статьи имеет принципиальное значение. Вторая вносит изменение в статью 51, которая запрещала федеральному правительству принимать законы, касающиеся аборигенов, проживаю-

щих на землях австралийских штатов. Раньше юрисдикция федерального правительства распространялась лишь на аборигенов, населяющих Северную территорию. Высокий процент избирателей, высказавшихся за принятие этих двух поправок к конституции страны, свидетельствует о том, что подавляющее число граждан Австралии хотело бы положить конец дискриминации аборигенов. Голосуя за эти поправки, они голосовали по существу за предоставление аборигенам гражданских прав — независимо от того, на землях какого штата они проживают. Ведь до 1967 г. в каждом штате действовало свое особое законодательство.

Вскоре после референдума, летом 1967 г., в Перте состоялась очередная конференция министров, ответственных за «благосостояние» аборигенов. Многие в Австралии надеялись, что она отразит волю подавляющего большинства австралийских избирателей, выраженную во время референдума. Существенных перемен, однако, не последовало. Были, правда, выделены некоторые суммы на жилищное строительство, образование и другие цели и принято официальное решение, передававшее все дела, касающиеся аборигенов, из юрисдикции штатов в ведение федерального правительства. Конференция признала, что «существенным фактором прогресса является ответственность самих аборигенов за их собственные дела» и что политика правительства в отношении аборигенов будет определяться главным образом тем, чего они сами хотят.

Летом 1968 г. в Сиднее состоялась первая национальная конференция аборигенов Австралии. Одним из главных ее требований было введение законодательства, объявляющего преступлением дискриминацию на основе расовой принадлежности.

Судьба Филиппа Робертса заставляет о многом задуматься. А что, если бы он не встретил доктора Лэнгсфорда, который обратил внимание на способного юношу, обучил его медицине, оплачивал его труд из личных средств? Не будь всего этого, сумел бы Вайпуданья покинуть миссию, племя, получить специальность, выйти в большой мир?

Сама личность Филиппа Робертса характерна для нового поколения аборигенов. Одна из интереснейших ее особенностей — двойственность сознания. На страницах книги она, эта двойственность, выступает особенно выпукло; может быть, автор даже кое-где излишне сгустил краски. Но так или иначе эта черта свойственна и другим его соплеменникам, воспитанным миссиями и одновременно племенем, оторванными обстоятельствами от родных корней, по духовно все еще крепко связанным с культурой и традициями своего народа. Вот и Декстер Дэмпелс, который, как и Филипп Робертс, родился на реке Ропер, ходил в школу при миссии, потом работал на скотоводческой станции, в больнице в Дарвине, а затем стал работником профсоюза рабочих Северной Австралии, советует своему народу «сотрудничать с христианами, сотрудничать с любыми европейцами... сотрудничать с ними, по следовать нашему собственному закону, закону аборигенов»⁴.

Филипп Робертс создает себя христианином и в то же время аборигеном, преданным традициям племени. Христианство его

⁴ «Иностранная литература», 1968, № 11, стр. 326.

слособразно сочетается с дохристианскими верованиями, которые он, следуя миссионерам и сам как бы стесняясь их, называет по-иному, как языческими. Однако он не отказывается от них, ибо традиционное мировоззрение племени — он хорошо сознает это — предмет его гордости, национальное достоинство и тысячелетнее культурное наследие его народа. Это — то, что делает его самим собою, т. е. коренным австралийцем, которым он всегда был и которым хотел бы остаться навсегда.

«Как сочетать непоколебимую веру в Землю-мать и Змею-радугу со святой троицей?.. Если меня спросят, верю ли я в Землю-мать, я решительно отвечу „да!“. Но если меня спросят, христианин ли я, то я тоже отвечу „да!“, хотя, может быть, не столь решительно» (стр. 100). «Да, я верю в бога... Но я верю и в Землю-мать, Змею-радугу, мой тотем — кенгуру. Они дали нам все, что мы имеем: племенную землю, пищу, жеп, детей, культуру... И ничто, ничто не в силах это изменить. Наследие это, передававшееся со Времени сновидений из поколения в поколение, — неотъемлемая часть меня самого» (стр. 210). «Гражданство не освобождает меня от обязанности перед племенем» (стр. 211), — говорит Филипп Робертс.

Перед вами не просто жизнеописание аборигена. Это — художественная энциклопедия жизни коренных австралийцев в критический, переходный период их истории. Расставание с тысячелетним прошлым неизбежно, и лучшие представители народа, подобно братьям Робертс, понимают, что от них самих зависит, какой путь изберет их народ в этом сложном мире. Они стремятся стать — и уже становятся — активной общественной силой современной Австралии. Их борьбу за свои права все более действенно поддерживает рабочий класс этой страны. Трагическое прошлое, безжалостное физическое истребление коренного населения тревожат совесть «белой» Австралии, что и нашло свое выражение в итогах референдума 1967 г. Смотреть вперед — вот к чему призывают свой народ такие его представители, как, например, талантливая поэтесса-аборигонка, известная общественная деятельница Кэт Уолкер:

Слабый отблеск рассвета
Забрезжил над спящим становищем.
Помнит проснувшаяся старуха:
Первое дело — с рассветом
Вспомнить о бедных мертвых...
И вот уж все племя
Плачет о мертвых, о бедных мертвых,
Ушедших от нас во мрак.
Мы помним, помним о них.
Но — хватит. Теперь надо жить.
Зажигайте костры и смейтесь —
Наступающий день зовет⁵.

В. Р. Кабо

⁵ «Поэзия Австралии», М., 1967, стр. 264—265.